

Отзыв на автореферат диссертации Фещенко Владимира Владимировича «Лингво-эстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

В диссертационном исследовании В. В. Фещенко инновативна уже сама тема: «лингво-эстетический поворот» в теории и практике словесности. Сам термин образован pendant «лингвистическому повороту» в философии XX века и охватывает более широкий круг явлений: от языкотворчества до теории и философии языка истекшего столетия. Вслед за Ю. С. Степановым В. В. Фещенко выделяет три фазы лингвоэстетического поворота: семантическую, синтаксическую и прагматическую. Автор противопоставляет «поворот» в системе наук «научной революции» в смысле Т. Куна: последняя создает новую парадигму в науке, первый фиксирует (пере)ориентацию группы наук (например, гуманитарных) на парадигму, доминирующую в одной из наук цикла. Для гуманитарных наук XX века таких парадигм оказалось две, и специфичной для столетия оказалась их взаимоориентация: проблемы «искусство как язык» и «язык как искусство» начали осознаться как две стороны единой проблемы. При этом речь идет уже не только о словесном искусстве, а об искусстве в целом, и не только о естественном языке как прототипической семиотической системе, но и о совокупности различных семиотических систем («языков»). Одно из важнейших достоинств рецензируемой работы – поиск и нахождение единого языка описания для языковых и художественных процессов, с одной стороны, и метаязыковых и эстетических («метахудожественных»), с другой. Автор выдвигает и доказывает гипотезу о синхронности этих процессов в культуре новейшего времени.

Одними из первых о взаимосвязи лингвистики и поэтики заговорили русские формалисты, и среди них Р. О. Jakobson, чей подход уже в 1921 году получил название «лингвистической поэтики» (этот термин был введен В. М. Жирмунским в рецензии на «Новейшую русскую поэзию» Jakobsona). Для Jakobsona невозможно, с одной стороны, изучение поэзии без опоры на лингвистику (поскольку естественный язык является материалом поэзии), а с другой стороны, – изучение языка без учета поэзии (поскольку поэзия – такая же легитимная сфера функционирования языка, как ежедневное общение, научная и журнальная проза и т.д.). Этот ход рассуждений привел исследователя к модели коммуникации, объединяющей шесть языковых функций, одной из которых является автономная и авторефлексивная поэтическая (она же эстетическая) функция. С этой точки зрения произведение искусства – это «высказывание» (в позднейшей формулировке – «сообщение»), в котором «поэтическая / эстетическая функция», т. е. установка на само сообщение, является доминирующей (хотя, как говорит Jakobson уже в брненских лекциях 1934 года, эстетическая функция не исчерпывает поэтическое сообщение и, в свою очередь, не исчерпывается им).

Развивая указанный подход, автор реферата убедительно развертывает более полный концептуальный ряд, вводя в лингвоэстетическую теорию новые базовые категории. Согласно В. В. Фещенко, художественное сообщение является частью особого типа коммуникации (художественная коммуникация). Оно представляет собой особый тип знака (художественный знак), вовлеченный в особый тип знакообразования и знаковосприятия (художественный семиозис), и встроено в особый тип дискурса (художественный дискурс). Последний определяется автором как «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» (автореферат, с. 8).

Продолжая мысль автора рецензируемого реферата, можно сказать, что художественный (а также любой иной) дискурс может определяться не только как актуальность (совокупность уже сделанных высказываний, ориентированных на определенный социокультурный узус), но и как потенциальность (совокупность такого же рода высказываний, которые могут быть сделаны, не выходя за рамки данного дискурса). Ср. важнейший ряд представлений о потен-

циальной составляющей семиотических систем – от основополагающей идеи В. Матезиуса о потенциальности языкового знака до концепции семиосферы в семиотике культуры Ю. М. Лотмана. Правилам естественного языка соответствуют не только актуальные (сделанные), но и потенциальные (еще не сделанные) грамматически корректные высказывания. Это, очевидно, применимо не только к языку, но и к дискурсу. Таковы же представления современных стиховедов (например, М. Ю. Лотмана и М. И. Шапира) о природе стиха: ритмической реализацией метра являются не только все уже созданные ритмические вариации данного размера, но и такие, которые могут быть созданы без его нарушения – точнее, без нарушения правил соответствия между метрической схемой и ее возможными (так!) ритмическими реализациями.

Выстроенный в работе В. В. Фещенко понятийный ряд (художественное сообщение – художественная коммуникация – художественный знак – ...) позволил автору работы ввести еще одну важнейшую инновацию. В главе 3 (§ 3.2) он предложил модельное объединение шестиэлементной коммуникативной модели, в центре которой стоит сообщение, с семиотической моделью самого сообщения – «треугольником значений» (signans – significatum – signatum, означающее – означиваемое – означаемое). Здесь автор опирается на концепции Г. Фреге и Ч. Огдена – А. Ричардса. В дальнейшем в этой связи можно обратить внимание и на описание структуры языкового знака у Э. Гуссерля («Логические исследования», исследование I: «Ausdruck und Bedeutung», § 6.2), оказавшее существенное влияние на теории Р. О. Якобсона и Г. Г. Шпета.

Внимание не только к коммуникативному, но и к структурному аспекту языкового и художественного знака позволяет В. В. Фещенко по-новому взглянуть на историю семиотики и – насколько мне известно, впервые – указать на роль Г. Г. Шпета как не только проводника гуссерлианских и раннесемиотических идей, но и автора оригинальной семиотической концепции, альтернативной по отношению к семиологии Ф. де Соссюра и семиотики Ч. С. Пирса. Я уверен, что нынешнее возрождение интереса к наследию Шпета дополнительно подкрепит этот принципиальный вывод новыми (в том числе и еще не публиковавшимися) материалами.

Автореферат диссертации не только адекватно отражает положения диссертации (с которой автор отзыва также с огромным интересом ознакомился), но и представляет собой законченное оригинальное научное сочинение, заслуживающее отдельной публикации. Разумеется, за рамками реферата неизбежно остались разные частные, хотя и важные темы, органически вплетенные в ткань диссертации. Такова, например, содержательная и конструктивная полемика автора с концепцией авангарда у М. И. Шапира и некоторые коррекции к последней, предложенные в тексте диссертации.

Диссертационное сочинение В. В. Фещенко не только ставит и решает ряд проблем, вынесенных на защиту, но и открывает новые перспективы лингвоэстетических исследований: изучение других форм реализации художественного дискурса, междискурсивные взаимодействия различных типов на основе художественного дискурса, изучение внелитературных лингвокреативных и лингвостереотипных дискурсов (автореферат, с. 41). Высказанные замечания носят попутный дополнительный характер и никак не влияют на высочайшую оценку реферата и диссертации. Они полностью соответствуют паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка, а их автор, несомненно, заслуживает присуждения искомой степени доктора филологических наук по указанной специальности.

Рецензент – Пильщиков И. А., доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой культуры

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

18 декабря 2020 г.

Личную подпись заверяю
Уч. секр. ИМК МГУ
А. В. Бусыгин